

Н. С. Юрцовский

**Очерки по истории просвещения
в Сибири**

Выпуск 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ю82

Ю82 **Юрцовский Н.**
Очерки по истории просвещения в Сибири: Выпуск 1 / Н. С. Юрцовский – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 252 с.

ISBN 978-5-521-39456-2

ISBN 978-5-521-39456-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Моя задача очень скромна: я хочу, на основании имеющихся печатных материалов, дать небольшой сводный очерк общего хода просветительной деятельности в Сибири. Потребность в подобном очерке вызывается тем, что все эти материалы разбросаны в различных редких и старинных периодических изданиях, справочниках, монографиях и для того, чтобы получить общую картину развития сибирского просвещения, интересующемуся этим вопросом необходимо затратить много усилий, прежде чем достичь желательного результата; к тому же и сам по себе кропотливый труд подбора этих материалов не всегда оказывается возможным ввиду скудности наших провинциальных библиотек.

Тема очерка, конечно, заслуживает более серьезной и детальной разработки с привлечением материалов, еще не появившихся в печати, хранящихся в сибирских архивах и канцеляриях управлений или преобразованных советской властью учебных заведений. Такая работа, требуя для своего выполнения нескольких лет труда и иных более благоприятных условий, дело будущего; пока же, быть может, и настоящий краткий очерк будет не безинтересен и полезен для лиц, работающих в области сибирского просвещения и интересующихся его историческими судьбами.

Многие пробелы в работе были неизбежны по местным условиям работы. Щеглов в послесловии к своему труду писал: «здесь, на месте, труднее быть свободным от всякого рода научных промахов... живя, например, в Петербурге имеется возможность достать себе чуть не каждую печатную строчку по литературе известного вопроса (в Императорской Публичной Библиотеке, в Академической и др.)»; еще ранее его первый сибирский историк Словцов указывал, что он был вынужден «получать книги из столицы для самых мелких справок».¹⁾ Лишний раз в справедливости этих свидетельств пришлось убедиться и мне, работая над

¹⁾ Щеглов. «Хронологический перечень важн. данных из истории Сибири», 767. Словцов. «Историч. обозрение Сибири», 1, XIII.

настоящим очерком в Томске, несмотря на наличие библиотеки первого сибирского университета: некоторых изданий, содержащих материал по затрагиваемому очерком вопросу, мне не удалось совсем достать, знакомясь с содержанием их по пересказу других авторов.

Вследствие этих причин в предлагаемой вниманию читателей работе получилась крайняя мозаичность: достаточно бегло просмотреть ее, чтобы видеть, что, например, Западной Сибирии уделено в ней гораздо большее место, чем Восточной, что внимание, уделенное отдельным типам школ и формам школьно-образовательной деятельности несоразмерно с их относительным значением, стоя в непосредственной зависимости от материала, который был в распоряжении автора. К тому же, недостаточность времени и ограниченность размеров очерка—так как автор работал над настоящей темой в свободное от служебных занятий время и не мог рассчитывать на издание слишком большой по объему работы—заставляли жертвовать литературной обработкой, стилистической отделкой, в интересах скорейшего выхода книги и возможно большего использования имевшегося материала.

Закончив работу над выпускаемой сейчас частью «Очерков» и окончательно просматривая ее, я уже задумывался над тем, не оставить ли ее до лучших времен, чтобы получить возможность иначе подойти к работе и дать ее в более удовлетворительном виде. Но, повторяю, это дело неблизкого будущего, а жизнь не ждет, практические потребности ее, необходимость для всех работников культурного возрождения России и в частности Сибири знать прошлое того дела, к которому они прилагают свои силы,—оправдали в моих глазах выпуск настоящей работы в том виде, в каком она предлагается сейчас читателям.

Новониколаевск, декабрь 1922 года.

ОЧЕРК I-ый.

Общий ход развития школьного дела в Сибири.

Донетровское время. История образования в Сибири в основных своих чертах повторяет ход просветительного дела в своей метрополии.

... Первые школы в Сибири относятся ко временам Петра I-го. За сто с лишним лет, протекших от Ермака и до Петра, мы не находим в Сибири никаких следов организованной правительственной или общественной школы. Потребность в обучении детей чтению и письму, — несомненно существовавшая у части населения, среди духовенства и служилых людей, — очевидно, как и в метрополии, удовлетворялась домашним способом: дети отдавались в выучку за плату к отдельным грамотеям — «мастерам», как их звали в старину — или обучались дома отцами. «Огонек грамотности, — замечает по этому поводу Словцов, — долго таким образом горел и не разгорался под семейственными кровами». ²⁾

В Великороссии и Юго-Западной России отсутствие школ (наряду с частнопредпоказательской деятельностью «мастеров» и семей, как образовательным фактором) восполняли монастыри, — если не все, то некоторые из них, обладавшие богатыми по тому времени библиотеками и имевшие в составе монахов ученых, начитанных людей, сильно способствовавших медленному, но все же заметному росту просвещения. Сибирские монастыри были немногочисленны, недавнего происхождения, сам по себе монашеский состав стоял на очень низкой ступени умственного и нравственного развития. «Около настоятелей монастырских, как начальников известного числа церквей по неизбежной надобности завелось досужие наставники юношей» рисует себе ход раннего сибирского просвещения Словцов, но (с известными оговорками), эта характеристика монастырей, как центров местного просвещения, может быть отнесена лишь к позднему периоду, когда при Петре появились архiereи-малороссы, привезшие с собой ученых монахов питомцев Киевской академии. О просветительном же влиянии сибирских монастырей XVI—XVII века, так ярко охарактеризованных в свое время в грамоте патриарха первому сибирскому архиепископу Киприану и, позднее, историком сибирских нравов Шашковым, — не может быть и речи. ³⁾

²⁾ Словцов. „Историч. обозрение Сибири“ 1, 207.

³⁾ Шашков (псевдоним — Серафимович) „Очерки нравов в старинной Сибири“ — „Отеч. Зап.“ 1867 г. № 10, 11, см. также — Буцинский. „Заселение Сибири и быт первых ее засельников“ гл. 6-ая.

Общая обстановка сибирской жизни допетровской эпохи, первого столетия покорения Сибири,—социальный состав сибирского населения XVI—XVII века, состоявшего из беглых крестьян, служилых людей и искателей приключений, тянувшихся за каменной и вольной жизнью, в редких случаях оседавших прочно на месте,—не благоприятствовали самостоятельному развитию просветительной деятельности в Сибири. Мало было благоприятных условий и в метрополии, но все же там была атмосфера культурного общения, были возможности столкнуться с иностранными влияниями, досуг и достаток, необходимые для того, чтобы заняться самообразованием, хотя бы в форме старорусского «начетничества». Ничего этого не было в Сибири, торговомощной, хищническибродячей.

Единичные примеры тяги к просвещению мы, однако, встречаем и в это время. Так, опубликованная Эйхгорном челобитная царю Алексею Михайловичу некоего Андрея Несговорского, приехавшего из Тобольска в Киев «книжного ради учения», свидетельствует, что и в XVII веке в Сибирь находились люди, неудовлетворявшиеся простою грамотностью и в поисках большего предпринимавшие столь трудные тогда путешествия из далекой Сибири в центры допетровской образованности—Киев и Москву.¹⁾

Глава I-ая.

Духовная школа в Сибири XVIII века.

Возникновение духовной школы в России и Сибири. История русской школы вообще начинается со школы духовной, церковной. В основе создания ее лежит потребность церкви в достаточно подготовленном клире и стремление расширить круг верующих, сберечь их от воздействия других вероучений. Но духовная школа не сразу приняла сословнопрофессиональный характер, с которым мы встречаем ее к концу XVIII века: первые духовные школы, начиная от Киевской и Московской Академии и кончая архиерейскими школами и семинариями первой половины XVIII века были школами общесловными, обслуживающими не только церковные, но и общегражданские потребности светской правительственной власти. Это обстоятельство нашло яркое выражение в социальном составе учащихся и в актах правительственной власти, относящихся к учреждению духовных школ первого периода. Самые заботы светской власти о духовной школе объясняются этой заинтересованностью и вообще бедностью духовных ресурсов страны, которых едва-едва хватало на создание нескольких десятков школ на громаднейшей территории страны.

Духовная школа в Сибири также предшествует другим видам государственно-общественной просветительной деятельности на

¹⁾ «Чтения в Общ-ве истории и древностей российских» 1891 г. № 1 (отд. V).

сибирской территории и самое возникновение ее, также как в метрополии, связано с инициативой центральной правительственной власти и энергичной деятельностью некоторых просвещенных перархов.⁵⁾

Школа при Тобольском архиерейском доме. Родоначальницей сибирских духовных школ является школа при Тобольском архиерейском доме, основанная в 1703—04 г.г. Первая по времени в Сибири, она, вместе с тем, была второй школой подобного типа в Восточной России (первой считается Ростовская, основанная в 1702-м году).

Инициатором первой сибирской школы должен быть признан Петр I-й, указом которого в 1701 году было повелено устроить в Тобольске «училище поповских, дьяконских и церковнических детей, ребяток учить грамоте, а потом словенской грамматике и прочим на словенском языке книгам и катехизис православнои веры», чтобы они, «удостоися в чин священства», «народ учить и многочисленных в Сибири иноземцев, неведующих Создателя Господа Бога, приводить в познание истинныи веры могли и потому ко святому крещению некая расширения до самого государства Китайского».

Практическое выполнение этой задачи выпало на долю прибывшего в Тобольск в 1702 году митрополита Филофея Лепчинского. Как многие другие деятели духовного просвещения в России, Филофей Лепчинский был малоросс и получил образование в Киевской Академии. Митрополит Филофей немедленно по прибытии в Тобольск отправил царю челобитную, в которой просил разрешения принимать в проектированную школу детей всех состояний, преподавать кроме славяно-русской грамматики латынь (так как в представлении тогдашних реднителей духовного просвещения истинная образованность была немыслима без латинского языка), а также о заведении в Тобольске типографии, ввиду удаленности Тобольска и необходимости печатать учебники для школы.

«Для вспоможенни церкви святой,—писал Филофей,—и расширения православной христианской веры школам быть в Тобольску и учить грамматики словенской и латынской, а учителям промыслять одному и учеников понудить, которые до того понадобятся, от всякого чина детей, а для скудных детей на покупку к тем наукам потребных книг, чтоб учинить вспоможение из государственой казны и чтоб кроме митрополита судом и расправами школьным никому не водать и не учить, да разногласие кое в учении школьном возстанет отуду... а для детского учения завестн дру-

⁵⁾ Более подробно см.: Ронидественский «Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII—XIX в.» т. I; Владимирский-Буданов. «Государство и народное образование в России» в. I; Пикарский «Наука и литература при Петре Великом» т. I; Знаменский. «Духовные школы в России до преобразования 1808 г.»; Милуков «Очерки по истории русской культуры» в. 2-ой.

карню в Тобольску, в Софийском доме, великого Государя казною, а друковать буквари, часословы малые, псалтыри».

В приведенных словах митрополита ясно видно стремление его поставить Тобольскую школу по типу юго-западных духовных школ с латынью в качестве венца и основы учения, школьным им-мунитетом и пр. Петр, однако, не согласился с широкими планами митрополита и писал ему: «Преосвященному Митрополиту паче простираться в учении славяно-русской грамматики и чтоб вся, яже попу или диакону надобно знать, изучались и православной веры катехизис достаточно знали, и по согласию содержащей в ней артикул умели и людей мирских учили... а друкарне в Тобольску, по имениному Великого Государя указу, не быть, и какие книги понадобятся и ему велеть покупать в Москве». ⁹⁾

Повидному, одновременно с подачей челобитной митрополитом уже были приняты подготовительные шаги к открытию школы: в делах Сибирского Приказа мы находим переписку по поводу прибывшего в августе 1702 года в Москву из Тобольска митрополитского боярина Сергея Иванова, посланного митрополитом для покупки «церковных треб и книг грамматических», а также для вывоза из Киева «учителей латинских наук 2, спеваков 4 чел. и студентов 2 чел.» ¹⁾. В 1703 или 1704 году школа была открыта, так как уже в 1705 году, как это видно из свидетельства местной летописи, ученикам школы давались для народа публичные театральные представления.

Было ли в дальнейшем существование Тобольской школы непрерывным или она, как большинство архиерейских школ Петровского времени, просуществовала недолго—не доказано, точных свидетельств по этому поводу не имеется. Вопреки мнению первого историка школы протоиерея Сулоцкого о непрерывности существования Тобольской школы, новейший исследователь Лиховицкий полагает, что в связи с разездом приехавших с Филофеем ученых монахов по разным местам епархии, а главное, в связи с открытием в Тобольске цыфирной школы, для которой ученики набиралась и из духовных детей, архиерейская школа к 1721 году прекратила свое существование. Это предположение Лиховицкий основывает также на контексте сообщения приехавшего в 1721 году в Тобольск митрополита Антония Стаховского, который, говоря о школе, учрежденной им, в одном слове не обмолвивается,

⁹⁾ Текст челобитной в „Чтениях о-ва ист. и древн. рос.“ 1863 г. кн. 4. Вообще о Тоб. школе см. Пекарский, Знаменский (упом. выше исслед.) и спец. статьи: свящ. Сулоцкого (по данным Тобольских архивов). „Тобольская архиерейская школа—предшественница Тобольской Духовной Семинарии“—в „Тоб. Губ. Вестн.“ 1872 г. и „Иркут. Епарх. Вед.“ 1875 г. Его же биография митроп. Филофея Лещинского в „Временнике о-ва ист. и древн. рос.“ 1854 г. кн. 1; статья иеромонаха Антипатра „Школа при Тобольском архиерейском доме“; статья Лиховицкого (основанная на матер. Синодского архива) „Просвещение в Сибири в первой половине XVIII столетия“ в „Журнале Минист. Народ. Просвещ.“ 1905 г. июль.

¹⁾ „Чтения в о-ве ист. и древн. рос.“ 1904 г. № 1—„Матер. по бытовой истории XVIII в.“ опублик. Оглоблиным.

что школа существовала до его приезда. Мы думаем, что ссылка на контекст сообщения митрополита Стаховского, сама по себе недостаточна для доказательства предположений Лиховицкого и, имея ввиду указ митрополита Филофея на имя Верхотурского Архимандрита 1718 года, в котором рекомендуется посылать детей новокрещенных инородцев в Тобольск, «где уже многие дети из новокрещенных обучаются в школах при Тобольском Архирейском доме», склоняемся к предположению Сулоцкого.⁶⁾

Для 1727 года мы располагаем по отношению к Тобольской арх. школе ответом, поступившим на запрос Верховного Тайного Совета: «при всех ли епархиях школы и ученики по силе Духовного регламента содержатся? Сколько в которой епархии тех учеников сначала было и ныне обретается?» и т. д. (вопросы и ответы см. у Пекарского «Наука и литература при Петре I-м» т. I, стр. 109—121). Тобольская епархия ответила, что имеется две школы—при архиерейском доме с 57 уч. и при Знаменском монастыре (тоже в Тобольске) с 14 учениками. На обе школы было 2 учителя.

Около 1728 года в программу Тобольской архиерейской школы было введено преподавание латинского языка и, таким образом, из славянорусской школы превратилась в славянолатинскую. Отсюда уже был один шаг до преобразования ее в семинарию, чего требовало значение Тобольской митрополии, обширнейшей епархии в России...

Тобольская духовная семинария. Преобразование школы при Тобольском архиерейском доме в семинарию было начато митрополитом Антоном Нарожницким немедленно по прибытии его в Тобольск в 1743 году. Тотчас по приезде в Тобольск, он послал по епархии строжайшее предписание прислать церковно-служительских детей в возрасте 8—18 лет для учения в Тобольск, приступил к постройке на дворе архиерейск. дома каменного корпуса для школы, послал одного из своих архимандритов в Киев за учителями и возбудил перед Синодом ходатайство об утверждении его мероприятий по преобразованию школы в семинарию. Из Киева прибыло 4 учителя (поименованные в местной Черепановской

⁶⁾ Между прочим, первый историк Сибири П. А. Словцов в своем „Истор. обзор. Сибири“ отнес происхождение Тоб. арх. школы к 1728 г., а в другом месте того же труда пишет: „Здесь уместно пред'явить к сведению, что в Сибири не было установленных училищ или семинарий до 1743 г. несмотря на желанья повеления, надпоминания Петра Великого, на духовный регламент, требовавший установления семинарий“ (1,208). Ошибка Словцова, бывшего преподавателя Тобольской семинарии, очень странна, т. к. ему должна была быть известна хранившаяся в архиве семинарии летопись Черепанова, в которой под 1705 г. записана буря, случившаяся при представлении „комедии“ Тобольскими школярами (см. об этом происшествии в ст. Сулоцкого—„Семинарский театр в Тобольске до 1818“, в „Чтениях о-ва ист. и древн. росс.“ 1870 г. кн. II-ая).

летописи); Синод указом 1748 года утвердил статут для новоучрежденной семинарии.⁹⁾

Первоначально семинария была открыта не в полном составе. Вскоре курс ее был расширен учреждением философского класса, а затем, при митрополите Павле Конюсевиче (известном своей борьбой против секуляризации церковных имений), был учрежден и богословский класс. Необходимо отметить, что Тобольская Семинария в отношении своего курса шла впереди многих других духовных школ своего времени: по подсчету проф. Знаменского из 26 семинарий начала царствования Екатерины II лишь 8—и в числе их Тобольская—имели полный курс.

Во второй половине XVIII века Тобольская семинария состояла из 8 классов, носивших следующие названия: школа фары, школа пифимы, школа грамматики, школа синтаксиса, школа мистики, класс риторики, класс философии, класс богословия. Это были так называемые «ординарные» классы, преемственно следовавшие друг за другом, учение в которых продолжалось 10—15, а то и более лет. Сверх того существовали «экстраординарные» классы, для обучения учеников старших классов необязательным предметам: классы немецкого, татарского, греческого языков, истории и географии, математики, красноречия, поэзии, иконописания. Классы экстраординарные существовали в зависимости от наличия преподавателей и желающих обучаться данным наукам. Семинарская наука в младших и средних классах состояла почти исключительно в изучении латинского языка: в фаре и пифиме начинали с латинских «вокабул», с коротеньких разговорных фраз, далее переходили к изучению грамматики, затем шло чтение и комментирование светских и духовных авторов. В результате, ученики старших классов были в состоянии произносить речи на латинском языке. За изучением латыни забывалось все остальное; из любопытного «мнения» ректора Тобольской семинарии Ильи Шумиловича (1779—1789 г.), представляющего собой утвержденный архиереем регламент Тобольской семинарии, мы видим, что ученикам воспрещалось говорить между собою по-русски в целях наилучшего усвоения латинского языка. В данном случае Тобольская семинария шла по следам южно-русских духовных школ и Киевской Академии прежде всего (питомцами ее были большинство ректоров и учителей семинарии)—там, следом за схоластическими средне-вековыми школами Западной Европы, образование не мыслилось без солидного знания латыни. Ученики были старинные (Альвара и др.), трудно усваиваемые и немногие

⁹⁾ Биография Антония Наронницкого в „Страннике“ 1867 г. кн. XII. Для истории Тоб. семинарии с 70-х годов XVIII ст. по 20-ые года XIX ст. см. в „Тоб. Епарх. Вестн.“ 1903—1914 г.г. (а также в сборн. „Тоб. церк. древлехранители“ в I—V), статьи Н. А. Бирюкова, основанные на изучении архивов консистории и семинарии: „Очерки по истории Тоб. Дух. Семинарии“ 1791—1818 год“, и „Тоб. Дух. Семинария при ректоре Илье Шумиловиче“ (1779—1789 г.), а также интересный бытовой очерк его же в „Рус. Старине“ 1908 г. № 3 „Отвращение от школьного учения“ (по архивному делу 60-х годов XVIII ст.).

могли одолеть семинарскую премудрость до конца; лишь единицы кончали курс.

К тяжелой схоластичной программе и преподаванию присоединялся крайне суровый режим. Из того же «Мнения» мы видим, что без разрешения семинаристы не имели права выходить за толстые каменные стены семинарии и пр., за провинности их полагалось наказывать розгами, (правда, не свыше «10 лоз», но, конечно, в действительности 10 ударам не ограничивалось и для характеристики семинарского режима в XVIII веке, вероятно, более соответствующей будет фраза документа позднейшего периода «лишь той же семинарии «и ректор семинарии распорядился сечь их не как студентов, а как свиней»).

Суровый режим и тяжелая непосильная учеба вызывали беспрерывное бегство семинаристов, которых затем, как беглых преступников, с помощью полиции ловили; вызывали даже самоубийства. В делах Tobольской консистории сохранилось любопытное дело Вятской Провинциальной Канцелярии «о поимке 4-х беглых семинаристов Tobольской семинарии», пробравшихся в Петербург, чтобы там подать жалобу Синоду на семинарское начальство.

Общее число учащихся в Tobольской семинарии было довольно значительно: так в 1765 году в 7 классах насчитывалось 200 учеников, в 1791 году в 8 классах—285 учеников. За непотизм и исключениями, ученики Tobольской семинарии второй половины XVIII столетия принадлежали к духовному сословию—школа, следовательно, приняла всецело сословно-профессиональный характер. Епархиальное начальство строго следило за тем, чтобы дети духовенства не ускользали от школьной повинности и получали соответствующее образование или в семинарии или в местных духовно-профессиональных школах (см. ниже). Конечно, при громадных размерах епархий, обнимавшей пол Сибиря, это провести было нелегко, но по отношению к ближайшим к Tobольску частям епархии принудительное привлечение детей духовенства проводилось довольно полно. В распоряжении консистории были посемейные списки священнослужителей и, следя за поменением их, консистория вела переписку для поуждения духовенства. Иногда же отправлялись специальные лица по уездам («заказам»), для мобилизации духовных детей. Так в 1793 году по докладу семинарии о недостаточном количестве учеников в младшем классе семинарии—фаре, архиепией распорядился послать в ближайшие заказы (Ишимский и Омский) учителя семинарии Петухова для осмотра годных к учению детей, а консистория дала строгое предписание (под угрозой штрафа) духовным правлениям заказов о содействии Петухову.

Возрастный состав семинаристов был чрезвычайно разнообразен. В самом младшем классе—фаре—сидели рядом ученики 9 и 16 лет, в следующих классах, по данным ведомости 1791 года, возрастной состав учащихся колебался между: 11 и 16 летami в инфан-

ме, 12 и 16 в грамматике, 13—19 в синтаксисе, 14—20 в риторике, 13—19 в пштинке, 16 и 23 в философии и 21—24 в богословии. В старших классах бывали ученики уже женатые, занимавшие должности дьяконов, причетников и т. п. Так, по той же ведомости 1794 года, в классе философии состояли на церковной службе (не пользуясь поэтому семин. содержанием) 8 учеников из 9, в классе богословия 7 из 8-ми.

Самыми многочисленными были младшие классы—класс фарты насчитывал 104 ученика, следующие классы имели от 23 до 38 учеников, в старших же классах было: в классе философии 9 учеников, в классе богословия—8 учеников.

Вследствие трудности семинарской науки до старших курсов и окончания курса доходили, как мы видели, немногие. Куда же девались остальные? О большинстве мы находим в семинарских ведомостях пометки: «за тупостью» или «за непонятием уволен и причт» (т. е., на должности пономарей, псаломщиков и т. п., сюда же надо полагать выбывших уволенных «по болезни»). Кроме них, мы находим выбывших с отметками в ведомостях: «выбыл в приказные», «выбыл в крючкотворцы», «уволен по требованию наместнического правления», «по требованию казенной палаты в впокуры» и т. п.; это все лица, поступившие на гражданскую службу; несколько человек уволены для продолжения образования, но такие случаи единичны: один в 1791 году уволен для подготовки в учителя в Тобольское Главное Народное Училище, 8 человек за период 1788—1801 г.г. уволены в Александро-Невскую Главную Духовную Семинарию (впоследствии Петербургская Духовная Академия). В числе последних мы находим известного псторика и деятеля по народному образованию Сибиря, друга Сперанского, П. А. Словцова. По окончании академии он вернулся в Тобольскую Семинарию преподавателем, но произнесенная им проповедь, в которой усмотрели политические намеки, прервала его карьеру—он был арестован и увезен в Петербург.

Во главе семинарии стоял ректор, обычно архимандрит и настоятель Знаменского монастыря (в зданиях которого помещалась семинария). Почти все ректоры были питомцы Киевской Академии или Харьковского Коллегиума и лишь в конце этого столетия был ректор (Венгмин) из Петербургской Главной Семинарии. За ректором шел префект—должность, соответствовавшая позднейшей должности инспектора. Префект также обычно был с высшим образованием (из Киевской Академии или Петербургской Главной Семинарии), часть из окончивших местную семинарию и честь (в младших классах: фаре, пифиме, грамматике и синтаксисе) были ученики старших классов семинарии (философия и богословия). Так, в составе учителей семинарии в 1791—1795 году мы находим: с высшим образованием двух ректоров из Киевской Академии и Александро-Невской Главной Семинарии (ректор